

Упоров Иван Владимирович

доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права Краснодарского университета МВД России

ПОКОЛЕНИЯ И МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация:

В статье рассматриваются различные аспекты понятия «поколение» с позиции использования его в гуманитарных исследованиях. Анализируются труды ученых, занимавшихся данной проблематикой. Отмечается, что встречаются самые разные подходы к определению данного понятия, однако, как правило, временные и иные признаки одного поколения весьма размыты и часто поколением называют отдельные общности людей, обладающие схожим отношением к тому или иному событию или явлению, что не всегда представляется корректным. Обосновывается целесообразность введения категории «универсальное поколение» как базового понятия для исследований в сфере гуманитарных наук, ключевым признаком которого является «длина поколения», измеряемая средней продолжительностью жизни людей, родившихся в один год. Утверждается, что введение данного понятия позволит более строго ограничивать различные социальные группы и более эффективно изучать их признаки. Таким образом, откроются новые возможности для исследования процесса передачи цивилизационных продуктов от живущих людей к их потомкам.

Ключевые слова:

поколение, общность, признак, люди, возраст, время, ценности, межпоколенческий процесс, универсальное поколение, длина поколения.

Uporov Ivan Vladimirovich

D.Phil. in History, PhD in Law, Professor, Department of Constitutional and Administrative Law, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

GENERATIONS AND INTERGENERATIONAL PROCESS: METHODOLOGICAL ASPECT

Summary:

The paper discusses various aspects of the concept of "generation" from the point of view of its use in humanitarian research. Analyzed are the works of scientists who dealt with this problem (A.N. Afanasyeva, K. Maheim, A.T. Rostov, V.V. Semenova, M.N. Chistanov, etc.). It is noted that there are a variety of approaches to the definition of this concept, however, usually, the chronological and other signs of one generation are very blurred, and often the term "generation" refers to individual communities of people who have a similar attitude to one or another event or a phenomenon, which seems incorrect. The expediency of introducing the category of "universal generation" as a basic concept for research in the humanities, the key feature of which is "generation length", measured by the average life expectancy of people born in one year, is substantiated. It is argued that the introduction of this concept will allow more stringent delimitation of various social groups and more effectively study their characteristics. Thus, new opportunities will open up for studying the process of transferring civilized products from living people to their descendants.

Keywords:

generation, community, attribute, people, age, time, values, intergenerational process, universal generation, generation length.

Живой мир на Земле развивается, как известно, путем воспроизводства себе подобных на биологической основе. Человеческое сообщество не является в этом смысле исключением. При этом, однако, социально-интеллектуальная составляющая человеческого рода ставит человека на особое место среди млекопитающих. В числе прочего это проявляется в его способности осознавать и определенным образом оценивать свое историческое существование. Этот процесс находит отражение в философских размышлениях наших предков, следы которых, впрочем, сохраняются сравнительно небольшое количество времени (чуть больше двух с половиной тысяч лет). Возможно, этим обстоятельством объясняется дефицит новых теорий в философии истории – так, М.Н. Чистанов отмечает, что «в течение двадцатого века были последовательно дезавуированы ее <философии истории> базовые концепции: идея объективного исторического процесса и общественного прогресса, неокантианская теория исторического познания, феноменолого-герменевтическая концепция внутреннего историзма субъекта, аналитическая философия истории» [1, с. 35].

В этом контексте представляется перспективным философское направление, связанное с закономерностями смены и взаимосвязи поколений, посредством которых, собственно, человеческая цивилизация продолжает свое развитие. При этом, как пишет А.Т. Ростова, поколение есть результат «социального воспроизводства и один из основных его объектов, поскольку социальное воспроизводство связано со сменой носителей общественных отношений» [2, с. 82]. Здесь можно сделать только одну оговорку: смена физических носителей (индивидов) общественных отношений не означает отрицания ценностей и культуры, выработанных предшествующими поколениями, – напротив, именно этот фактор (трансформация социальных отношений

на основе беспрерывно нарастающего их объема) является характерным для человеческой цивилизации. Вместе с тем в межпоколенческом процессе взаимосвязь различных факторов, определяющих его содержание, выглядит весьма противоречиво. Так, А.О. Стернин полагает, что «преемственность, выступающая как один из моментов реализации в общественном развитии закона отрицания, носит объективный характер» [3, с. 57]. С одной стороны, с этим нельзя не согласиться, поскольку и сам окружающий мир объективен, а с другой стороны, в рамках этой объективности не может не действовать и субъективное начало, которое проявляется во вполне осознанной деятельности как отдельного человека, так и объединений людей самого разного масштаба, начиная от семьи и заканчивая глобальным международным сообществом.

И в этой объективности/субъективности передачи цивилизационных продуктов от одного поколения к другому, учитывая непрерывную динамику количественно-качественных изменений, представляется непросто выявить сам механизм данного процесса – достаточно указать, например, на то, что, несмотря на кажущуюся очевидность, не существует общепринятой трактовки понятия «поколение», причем, насколько нам известно, это касается не только философии, но и других наук. Примечательно еще и то, что сама теория поколений стала активно и системно изучаться лишь в новейшей истории (с рубежа начала 1990-х гг.) и, что не менее примечательно, начало ей положили исследователи в области маркетинга, которые пытались и пытаются понять особенности трансформации ценностей (и товаров/услуг в том числе) для следующих друг за другом поколений. При этом очевидный приоритет едва ли не как классикам отдается американским ученым Н. Хоуву и У. Штраусу, создавшим своеобразную поколенческую модель [4]. Это не значит, что до них проблема поколений не затрагивалась в научных трудах, но в данном случае речь идет именно о системных исследованиях.

В этом контексте рассмотрим некоторые признаки понятия «поколение» применительно к философии в целом и социально-хронологическому процессу в частности. Самое распространенное отграничение поколений исходит из обыденной жизни людей, привыкших к патриархальной модели семьи: младшее поколение (условно дети до двадцати лет), среднее поколение (условно сорокалетние «отцы»), старшее поколение (условно шестидесятилетние «деды») [5, с. 10]. Однако такого естественно-возрастного деления явно недостаточно с точки зрения объяснения закономерностей передачи традиций, ценностей, материальной базы и прочих атрибутов (обобщенно – культуры) от предшествующего поколения к последующему. И если иметь в виду субъективный фактор, то, как правило, люди сплачиваются по убеждениям, идеям, интересам, потребностям, при этом такое «сплочение» есть результат определенных активных усилий человека. В частности, как показывает социальная практика, в пределах одного возрастного поколения всегда имеются представители разных интересов, в том числе разных воззрений на будущее общества. Это наглядно видно на примере Гражданской войны: на стороне и красных, и белых были разновозрастные граждане (так, в 1920 г. красному командиру А.П. Голикову-Гайдару было 16 лет, а профессиональному революционеру П.Н. Лепешинскому – 52 года); в равной степени близкие по рождению и условиям жизни люди одной возрастной категории, в том числе члены одной и той же семьи, убивали друг друга («брат шел на брата»). В этом контексте актуализируется вопрос о длительности одного поколения, который мы считаем ключевым и который позже рассмотрим подробнее.

Следует заметить, что самое общее научное определение поколения сводится к тому, что это «звено или ступень в цепи происхождения от общего предка, а межпоколенные отношения суть отношения между родителями и детьми, предками и потомками» [6, с. 85]. Для макро-социально-временного пространства использование такого подхода может быть приемлемым. Однако мы имеем в виду более глубокие пласты межпоколенческих отношений. И здесь обратим внимание на то, что в социальной философии вне семейно-генеалогического подхода понятие «поколение» как социально-историческое явление стало изучаться с середины XIX в. – вместе с расцветом западной классической философии. Исследовавшая взгляды философов того времени М.А. Исаева отмечает, что «в большинстве работ второй половины XIX в. смену поколений понимали как движущую силу исторического процесса, причину происходящих в истории событий (О. Конт, Ж. Дромель, Дж. Милль, Г. Феррари, О. Лоренц). Заложенную в этих работах идею о существовании некоего биологически обусловленного ритма исторических изменений в 20–30-е гг. XX в. развивали Х. Ортега-и-Гассет, Ф. Ментре, В. Пиндер и др. Однако после Второй мировой войны истолкование исторического процесса с биологической точки зрения перестало быть популярным» [7, с. 265].

Что касается снижения интереса к биологическому объяснению смены поколений, то, на наш взгляд, это было обусловлено, с одной стороны, очевидностью биологического процесса (новые индивиды рождаются, а старые умирают, и это длится бесконечно), подкрепленной теорией Дарвина, а с другой стороны, невозможностью объяснить методами, связанными с биологией, кардинальные изменения в жизни человеческих сообществ – например, многопоколенческие вековые

монархические отношения вдруг сменяются республиканским устройством. И хотя акцента на понятийном аппарате при этом не делалось, следует отметить преобладание точки зрения о том, что характер смены поколений определяется социальной активностью человека во второй половине его жизни, поскольку социальная энергия первой половины тратится на то, чтобы преодолеть уже сложившиеся ранее стереотипы. В целом учеными того времени была констатирована диалектическая связь в дихотомии традиции/новации, развивающейся однозначно линейно. Причем Х. Ортега-и-Гассет именно борьбу сменяющих друг друга поколений считал движущей силой исторического развития человечества. А из работ немецкого философа К. Манхейма, активно издававшихся в 1930-е гг., считаем нужным вычленить мысль о том, что смена поколений представляет собой прежде всего «передачу мыслей, интеллектуального достояния» [8, с. 96].

При этом практически все авторы Нового и Новейшего времени высказывают мысль об определенной конфликтности разных поколений. Исключение составляет, очевидно, лишь период Советского государства, где над философской наукой довлела политико-идеологическая догма, не допускавшая конфликтности социума социалистического типа. Так, по мнению Н.В. Сергеевой, по мере приближения к верхней возрастной границе молодежь становится создателем культурных ценностей, т. е. субъектом социального процесса, а не его объектом, и такая трансформация отражает конфликт поколений [9, с. 17]. Однако, на наш взгляд, термин «конфликт», ставший уже определенным штампом при исследовании межпоколенческих отношений, используется не всегда корректно, учитывая, что «конфликт» предполагает достаточно высокую степень противостояния, в то время как смена поколений, являясь естественно-объективным процессом, находится в обычном диалектическом развитии, как и все другие социальные процессы, но разность интересов, позиций, решений субъектов этих процессов отнюдь не всегда может квалифицироваться как «конфликт». Например, в трудовых, брачных, гражданско-правовых и иных отношениях всегда имеются две стороны в виде работодателя и работника, мужа и жены, продавца и покупателя и т. д. и у каждой стороны есть свои интересы, некоторым образом противостоящие интересам другой стороны, но не входящие в конфликт.

По мнению И.М. Ильинского, понятие «поколение» может рассматриваться с разных точек зрения: с точки зрения жизненного цикла индивидов; с точки зрения генеалогии – отношения родителей и детей; с точки зрения общественно-исторической структуры группового поведения – «социальные или политические поколения» [10, с. 48]. А.И. Афанасьева предлагает более цельный вариант, полагая, что под поколением следует понимать «объективно складывающуюся конкретно-историческую совокупность близких по возрасту и сформировавшихся в один и тот же исторический период людей, характеризующуюся специфическими демографическими чертами» [11, с. 21]. Здесь, на наш взгляд, ряд позиций недостаточно конкретизирован. Например, не ясно, что значит «близки по возрасту», «один и тот же исторический период», какие имеются в виду интервалы, а ведь это имеет большое значение, учитывая ускоряющиеся темпы социальных перемен. Не обозначены также, помимо демографических, иные признаки. Подходы указанных и ряда других авторов (П.К. Анохин, В.М. Воронков, Л.Н. Коган и др.) схожи в своей концептуальной методологии, которая, однако, уязвима тем, что в одних и тех же возрастных рамках, как мы отмечали, могут быть люди самых разных интересов, причем они могут переплетаться с иными ценностями и потребностями и тогда вычленение одного поколения чрезвычайно затруднительно. Например, в период той же Гражданской войны, согласно приведенным точкам зрения, нужно выделять поколения не только красных и белых, если брать за основу политические убеждения, но и монархистов, эсеров, зеленых, конституционалистов и т. д. Но представители всех этих течений одновременно могут относиться к единому возрасту. И что тогда считать одним поколением?

В подобных ситуациях, как считает В.В. Семенова, понятие поколения вообще представляется весьма условным, и, например, в социологии, чаще используют такие понятия, как «сеть», «пространство», «поле» и т. д. [12, с. 218]. Однако категория «поколение» нам представляется фундаментальной и отказываться от нее мы не видим оснований, тем более что поколенческая проблематика, как было отмечено, стала предметом прикладных (маркетинговых) исследований, что, в свою очередь, является результатом недостаточного внимания к ней в классических науках.

Вместе с тем понятие «поколение» действительно нуждается в уточнении, поскольку разброс мнений в российской литературе излишне широк. Так, очевидно, не без влияния модели Хоува – Штрауса российские исследователи также стали упрощать характеристики поколений. Например, Е. Шамис и Е. Никонов выделяют среди россиян «поколение победителей» (1900–1923), «молчаливое поколение» (1923–1943), «поколение беби-бумеров» (1944–1963), «поколение X – “летающие”, “ребенок с ключом на шее” и др.» (1964–1984), «миллениумы» (1985–2003), «еще не определенное» (2004–2024) [13]. По мнению В.И. Пищик, есть основания выделять «информационное поколение» (1984–1999), «новое поколение» (2000–2015) [14]. Встречаются также «цифровое поколение», «нетерпеливое поколение», «ЯЯЯ-поколение» [15, с. 216] и т. д. Но такие

попытки вряд ли продуктивны с точки зрения поиска научно обоснованных тенденций, поскольку такого рода поколенческие циклы выделяются в зависимости от предпочтений автора и этот подход более уместен в публицистике (где в последнее время популярно «поколение next») или в художественной литературе (например, «Отцы и дети» И.С. Тургенева, «Тарас Бульба» Н.В. Гоголя), нежели в научных трудах. И не случайно, как отмечается в литературе, «теория поколений подвергается обоснованной критике, а сам концепт “поколение” нередко называют стереотипом поп-социологии, который не учитывает индивидуальную неоднородность представителей одного и того же возраста, а также параметры самоидентификации и т. д.» [16, с. 116].

Указанное разнообразие подходов обуславливает необходимость выделить базовые признаки, позволяющие идентифицировать такое социальное явление, как «поколение». В связи с этим заметим, что сущность этого явления совершенно очевидна и заключается в том, что некие общности людей в силу объективных естественно-биологических циклов (рождение – развитие – смерть) сменяют друг друга, передавая по социальному наследству определенные цивилизационные продукты. Динамика этого явления также очевидна и имеет линейный характер – в соответствии с линейностью времени, текущего хронологически от прошлого к будущему. Для характеристики этой сущности необходимым параметром являются возрастные границы поколения. Выше мы приводили различные варианты – они во многом условны, а иные умозрительны. Исходя из этого, для целей гуманитарного понимания поколения необходимо применять другой подход, предполагающий уточнение единицы измерения длительности одного поколения во взаимосвязи с соответствующей точкой отсчета.

Дело в том, что смена поколений, подчиняясь временному закону, протекает непрерывно и дискретно. При этом одна дискретная единица, как видно из всеобщего консенсуса исследователей, равна одному году (выше мы видели, что все без исключения ученые используют именно эту единицу). Но в таком случае каждый новый год порождает новое поколение, и возникает вопрос, как определять хронологические границы какого-либо поколения и обособить, вычленив его, учитывая, что ежегодно любое поколение смещается вперед и некоторым образом меняется (стареет). В контексте такого вопроса едва ли не все вышеприведенные характеристики конкретных поколений весьма относительны. Соответственно, для их большей конкретизации требуется нахождение точки отсчета – в качестве таковой могут выступать разные факторы, но в любом случае не обойтись от привязки к временным и хронологическим параметрам.

Полагаем наиболее логичным и целесообразным с возрастной точки зрения исчислять поколения по продолжительности жизни человека. Современные учетно-счетные технологии позволяют определить среднюю продолжительной жизни для тех жителей (города, страны, континента, всего мира), которые родились в один и тот же год. Эта средняя продолжительность жизни и должна считаться «длиной поколения»: эти люди одновременно родились (в конкретно-годовом масштабе), жили в одно время, можно сказать вместе, и ушли из жизни также одновременно (в средне-годовом масштабе). Такую общность людей можно обозначать как «универсальное поколение», основанное на возрастном критерии, и идентифицировать по конкретному году рождения, например поколение 1950 г. р., 2000 г. р. и т. д. Такой тип поколения полагаем считать базовым для гуманитарных исследований. Для обозначения более широкой возрастно-групповой принадлежности и с учетом иных факторов можно оперировать такими понятиями, как, например, поколения 1941–1945 г. р. Приведем еще пример: по данной методологии в настоящее время, т. е. в 2019 г., создающимися поколениями (людьми, определяющими стандарты текущей и векторы будущей жизни, т. е. уже состоявшимися личностями в активном работоспособном возрасте от 40 до 60 лет, способными оказывать влияние на состояние общественных отношений) являются поколения соответственно 1959–1979 г. р., причем эта возрастная граница непрерывно меняется.

Исходя из такого подхода, одновременно живут представители многих поколений. Однако причислять всех живущих ныне людей к одному поколению, на наш взгляд, нет оснований, поскольку тогда придется включать в одну общность как младенцев, так и глубоких стариков, которые родились в разное время, проживают и формируются как личности в разных условиях и в разное время уходят из жизни. Например, по нашей методологии, поколение 1950 г. р., совершенно очевидно, покинет этот мир ранее 2050 г., поскольку продолжительность жизни его представителей не составит более 100 лет, в то время как представители иных поколений, ныне живущих, например 1980–2019 г. р., в середине XXI в. еще продолжают свою жизнь.

Вместе с тем нужно иметь в виду, что каждое универсальное поколение в процессе жизнедеятельности имеет, помимо возраста, иные общие признаки, в том числе характерные для отдельных периодов жизни поколения. Например, родившихся в 1917 г. есть основания считать всецело «советским» поколением (время существования Советского государства равно 74 годам) со всеми присущими советскому обществу чертами: коммунистическая идеология, атеизм, общественные фонды потребления, участие в пионерских и комсомольских организациях и т. д.

В реальности таких цельных поколений немного. Период каждого универсального поколения включает в себя различные события и явления, которые разделяют его на отдельные общности – составные части, причем как по хронологии, так и по отношению к классификационным критериям (событиям, явлениям), и каждое универсальное поколение в процессе своей жизнедеятельности изменяется, подтверждая всеобщий закон диалектики. Например, после 1991 г., когда распался СССР, в России проживали и проживают до сих пор представители нескольких поколений, но отношение к распаду СССР у представителей одних и тех же поколений разное – есть поддерживающие распад СССР, не поддерживающие или относящиеся нейтрально (здесь поколения – по нашей методологии).

Соответственно, в рамках одного поколения могут выделяться ряд общностей, однако обозначать такие общности «поколением», как это нередко имеет место в литературе, считаем неправильным, так как речь идет лишь о группах людей, объединяемых неким одним или несколькими факторами (например, сходной позицией по тому же распаду СССР), мнение которых изучалось в конкретный период времени, и эта же характеристика таких групп для другого периода уже будет неактуальна. В этом же контексте следует отметить противоречивый характер развития в России такого важнейшего социального института, как семья, где в подавляющем большинстве случаев совместно проживают представители 2–3 семейных поколений (дети, родители, бабушки и дедушки), что дает возможность более детально сопоставлять особенности межпоколенческого взаимодействия. Дело в том, что ученые, занимающиеся данной проблематикой, приходят к разным выводам, имея в виду тенденции. С одной стороны, как отмечает М.В. Старчикова, «наблюдается процесс межпоколенческого дистанцирования и ослабления близких родственных связей» [17, с. 141] (схожей точки зрения придерживаются М.В. Вдовина, А.С. Разорвина, Д.В. Тупикова, Т.А. Безенкова и др.), а с другой стороны, по мнению О.Н. Бурмыкиной, «...представления молодого поколения о родственном долге, обязательствах и заботе разных поколений семьи сохраняют традиционные черты...» [18, с. 157] (так же считают О.В. Синявская, Е.В. Гладникова, В.В. Семенова, И.И. Корчагина, Л.М. Прокофьева и др.).

Мы не будем подробно раскрывать этот аспект, заметим лишь, что переживаемый процесс глобализации и научно-технического прогресса не может определенным образом не изменять межпоколенческие отношения в семье, но, на наш взгляд, эти изменения носят эволюционный характер с вектором развития от семьи патриархального типа к семье свободно-открытого типа. А сам факт существенно разных подходов к осмыслению проблемы свидетельствует о необходимости совершенствования методологии исследования межпоколенческих отношений. В связи с этим, как мы полагаем, введение понятия «универсальное поколение» с учетом современных технических достижений позволит более строго отграничивать различные социальные группы, более эффективно изучать их признаки. Благодаря этому появится больше возможностей для исследования самого процесса передачи цивилизационных продуктов от живущих людей к их потомкам, в закономерностях которого еще нет достаточной ясности.

Ссылки:

1. Чистанов М.Н. О границах применимости теории поколений в современной философии истории // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 3. С. 35–39. <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2017-12-3-35-39>.
2. Ростова А.Т. Концептуалистская интерпретация поколения как субъекта социального воспроизводства : дис. ... д-ра филос. наук. Краснодар, 2019. 266 с.
3. Стернин А.О. Диалектика прошлого: страницы воспоминаний. Воронеж, 2009. 158 с.
4. Strauss W., Howe N. The Fourth Turning: An American Prophecy: What the Cycles of History Tell Us About America's Next Rendezvous With Destiny. N. Y., 1997. 401 p.
5. Левада Ю. Заметки о «проблеме поколений» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2002. № 2 (58). С. 9–11.
6. Социология молодежи : учебник / отв. ред. В.Т. Лисовский. СПб., 1996. 460 с.
7. Исаева М.А. Поколение // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 1. С. 265–268.
8. Манхейм К. Избранное: диагноз нашего времени / пер. с нем. и англ. Л.В. Вольфсона, А.В. Дранова, С.В. Карпушиной. М., 2010. 744 с.
9. Сергеева Н.В. Молодежь как поколение: проблема ценностных ориентаций : дис. ... канд. филос. наук. Волгоград, 2002. 134 с.
10. Ильинский И.М. Молодежь и молодежная политика. М., 2001. 692 с.
11. Афанасьева А.Н. Исторический процесс и смена поколений // Преемственность поколений как социологическая проблема / отв. ред. Л.Н. Москвичев. М., 1973. С. 20–24.
12. Семенова В.В. Современные концептуальные и эмпирические подходы к понятию «поколение» // Россия реформирующаяся : ежегодник – 2003 / отв. ред. Л.М. Дробизева. М., 2002. С. 213–237.
13. Шамис Е., Никонов Е. Теория поколений. Необыкновенный Икс. 4-е изд. М., 2019. 192 с.
14. Пищик В.И. Поколения: социально-психологический анализ ментальности // Социальная психология и общество. 2011. № 2. С. 80–88.
15. Долженко Р.А. Трансформация системы управления персоналом в условиях роста доли работников – представителей поколения Y // Управление корпоративной культурой. 2015. № 3–4. С. 214–222.
16. Дзахова Л.Х., Бадова Л.А. «Эстафета поколений» в элитологическом измерении // Власть. 2017. Т. 25, № 2. С. 116–122.

17. Старчикова М.В. Межпоколенное взаимодействие в современной России // Социологическое измерение. 2012. № 5 (337). С. 140–144.
18. Бурмыкина О.Н. Межпоколенный семейный контракт: представления молодого поколения // Петербургская социология сегодня. 2017. Вып. 8. С. 150–159.

References:

- Afanasyeva, AN 1973, 'The Historical Process and the Change of Generations', in LN Moskvichev (ed.), *Continuity of Generations as a Sociological Problem*, Moscow, pp. 20-24, (in Russian).
- Burmykina, ON 2017, 'An Intergenerational Family Contract: Representations of the Young Generation', *Peterburgskaya sociologiya segodnya*, no. 8, pp. 150-160, (in Russian).
- Chistanov, MN 2017, 'On the Limits of Applicability of the Theory of Generations in Modern Philosophy of History', *Gumanitarniy vector*, vol. 12, no. 3, pp. 35-38, <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2017-12-3-35-39>, (in Russian).
- Dolzhenko, RA 2015, 'Transformation of the Personnel Management System in the Context of an Increasing Share of Employees – Representatives of generation Y', *Upravlenie korporativnoy kulturoj*, no. 3-4, pp. 214-222, (in Russian).
- Dzakhova, LKh & Badova, LA 2017, "Relay Race of Generations" in the Elitological Dimension', *Vlast*, vol. 25, no. 2, pp. 116-123, (in Russian).
- Ilyinsky, IM 2001, *Youth and Youth Policy*, Moscow, 692 p., (in Russian).
- Isaeva, MA 2011, 'Generation', *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 1, pp. 265-270, (in Russian).
- Levada, Yu 2002, 'Notes on the "problem of generations"', *Monitoring obshhestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeny*, no. 2 (58), pp. 9-11, (in Russian).
- Lisovsky, VT (ed.) 1996, *Sociology of Youth*, St. Petersburg, 460 p., (in Russian).
- Manheim, K, Wolfson, LV, Dranova, AV & Karpushina, SV (trans.) 2010, *Favorites: Diagnosis of Our Time*, Moscow, 744 p., (in Russian).
- Pishchik, VI 2011, 'Generations: Socio-Psychological Analysis of Mentality', *Socialnaya psihologiya i obshchestvo*, no. 2, pp. 80-88, (in Russian).
- Rostov, AT 2019, *The Conceptualist Interpretation of Generation as a Subject of Social Reproduction*, Krasnodar, 266 p., (in Russian).
- Semenova, VV 2003, 'Modern Conceptual and Empirical Approaches to the Concept of "Generation" in Sociology', in LM Drobizheva (ed.), *Russia Reforming: Yearbook*, pp. 213-237, (in Russian).
- Sergeeva, NV 2002, *Youth as a Generation*, Volgograd, 134 p., (in Russian).
- Shamis, E & Nikonov, E 2018, *The Theory of Generations. Extraordinary X*, 4th ed., Moscow, 184 p., (in Russian).
- Starchikova, MV 2012, 'Intergenerational Interaction in Modern Russia', *Sociologicheskoe izmerenie*, no. 5 (337), pp. 140-144, (in Russian).
- Sternin, AO 2009, *Dialectics of the Past: Pages of Memories*, Voronezh, 158 p., (in Russian).
- Strauss, W & Howe, N 1997, *The Fourth Turning: An American Prophecy*, New York, 401 p.

Редактор: Тальчук Калерия Сергеевна
Переводчик: Ездина София Александровна